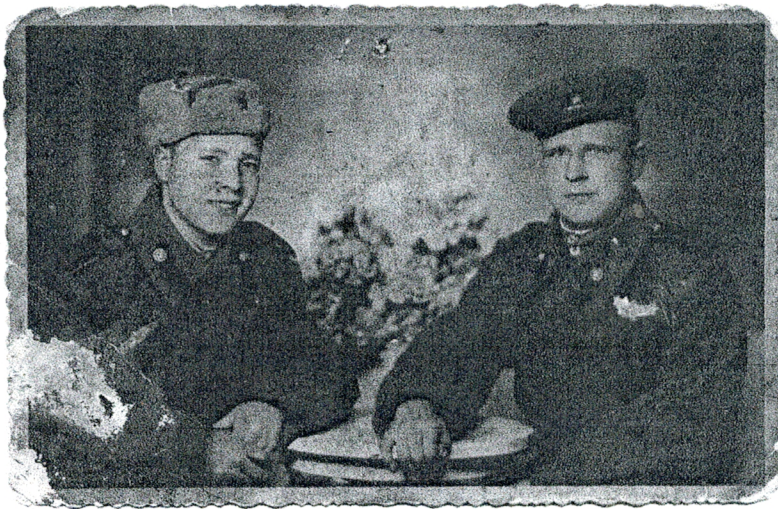

Асаф Маркелович со своими фронтовыми товарищами (на фото слева) в первые месяцы после войны (2-е фото 3\12 1945 год, Чехословакия, на первом фото тоже Чехословакия).

5.XII.1921-

Седёлкин Асаф Маркелович

19.07.2009
02.04.2009

Седёлкин Асаф Маркелович родился в 1921 году в д. Шарино, до войны работал в лесу: принимал лес от лесорубов.

В армию призвали в январе 1941 года на действительную службу. 13 января 1941 года я в часть приехал. До войны я уж служил шесть месяцев. Это была Бессарабия, Молдавия сейчас, а её отторгнули от Румынии (до этого ещё), и вот... Да, в каких войсках я служил? Больно уж войска-то хороши... Самые последние—сапёрные: сапёр ошибается только раз—и на воздухе. Три месяца прослужил я в роте в сапёрном батальоне. Нас отсюда, из Семёнова, из Семёновского района, много было; с Осинок был друг—Козлов Савелий Осипович, Салов—у Паромова деревня, не помню уж как называется. И вот наш взвод

ушёл дрова разгружать на станцию для части своей—местечко Чидерлунга-- была станция в Бессарабии. Пришёл начальник снабжения интендант второго ранга (а должны были демобилизоваться старшие солдаты и мы их заменить) и говорит: «Кто знаком с поварским делом?» Я тут как тут, дневальным как раз был. Я, говорю, знаком с этим делом, дома, говорю, этим занимался. Он меня на карандаш, и через полмесяца выкликнули: «Седёлкин! Переводится в продснабжение». И вот я всю амуницию сдал—и на кухню. Да... Давай там заваривать. Сколько нас там было... четверо, мы посменно.

Когда войну объявили, нас в три часа утра под заборы положили, оружие выдали, кто с оружием был... Нас с первого дня, понимаешь, бомбить начали, обстреливать, «мессершмиты». Мы там были от румынской границы 60 км. Разделили нас, значит, повара пошли по ротам, каждой роте своего повара и пошли. До этого мы ещё занимались, чувствовали, наверное, что война начнётся: стояли на воротах солдаты, видели—проходили войска-то, шли пешком с пулемётами ручными, целыми частями шли.

А мы как приехали в часть, немного послужили и стали отправляться... Наше дело какое было?—доты строили, укрепления. Сапёры занимались чем?—минировать, разминировать, ну переправа, конечно, у нас ещё была(понтонные готовить). Первый эшелон ушёл туда к границе румынской, нас пока оставили: санчасть(которые больные) и ВС (сапожников да разные службы), да... Не помню уж, в какое время, мы хотели переправиться на большую землю из Бессарабии. Собрались все роты, части, склад и поехали. Впереди шла наша гружёная продуктовая машина, там завсклад сидел—кладовщик. У меня ЗИС-5, была прицеплена кухня трёхкотельная и полный кузов продуктов. Проехали километров больше пятидесяти, слышим, там кричат: перерезали, значит, дорогу перехватили немцы. А наша машина как раз первая, значит попала прямо к немцам. Мотоциклисты там, танки, кричат, движутся. Мы разворачиваемся—и в обратный путь. И попали мы в Одессу, вот... А из Одессы никуда, были окружены, нас перехватили. И вот мы в этой Одессе 8 месяцев были. И когда Крым отрезали, нам из Одессы деваться тоже некуда. В Одессе были в основном румыны, немцы—те на Крымском направлении. Румыны—вояки, конечно, как тебе сказать, ну... вот как узбеки... Морячков в Одессе было много, с потопленных судов; я видел: громадный док тонул—четыре дня...

Нас стали обстреливать со всех концов, артиллерия била. Где мы ночевали, отдыхали, тут весь двор в снарядах был. Но они не рвались: семь штук упали у нас у коридора—ни один снаряд не взорвался. А у штаба один снаряд взорвался—там часовой стоял—разорвало часового.

Дожились, что приказ: оставить Одессу. И пошли разговоры, пошла паника... Полно было всяких: и предателей разных, и шпионов забрасывали. Вот вчера отправился пароход с евреями—потопили, через три часа потопили. Вот тебе и всё. Ну что ж. Мы начали готовиться к погрузке, были там у нас остатки, погрузили и на пароход. Нас собралось, понимай, шесть наверное судов. Погрузились и в 11 часов вечера тронулись. Это было в сорок втором году летом. Наш корабль первый шёл, тральщик, четыре пушки дальнобойных на палубе стояли. Народ тут битком набитый был. А за нами пять кораблей шло по нашему пути, потому что миноискатель. В четыре утра на нас налетели. Ну, думаем, всё—ни берега, ничего, одна вода—вот тут... Когда он бомбы выбрасывает, их видать очень хорошо, когда они идут—далеконько видать, в каком направлении они пошли. Давай маневрировать. Всё ж-таки расстояние большое было, да... друг от друга шесть кораблей—примерно километра два расстояние: они ведь большие, корабли-то, у нас в трюму двести лошадей стояло, 25 Чапаевская дивизия (ну, она только числилась)—пароходы-то какие! Вот нас три разка, пока плыли, бомбили, но не попали ни в один корабль.

Приплыли мы туда, в Севастополь, в пять часов к вечеру, на вторые сутки, и тоже опять начали бомбить. Вот выгрузились там и опять своим делом заниматься: доты строить, минировать—кого куда, где чего. В Одессе группу оставили, шесть человек наверное,

минировать, понимаешь, здания государственные—заминировали все. Их специально катер через определённое время доставил потом. Тут я сопровождал начальника штаба (ранило его), тут его обслуживал. А там уж только всё на подводных лодках раненых отправляли (из Севастополя) и привозили что необходимо—ну там боеприпасы; на таких кораблях никак, бомбили. В конце сорок второго года моего друга (вот этого Козлова) ранило, он пораньше... он ещё уехал.

Там нас была цельная армия, считай... Сначала под Керчью немец встал. И деваться некуда: 18 км пролив Керченский. Кое-кто было бросился (рассказывали те, кто прибыл к нам; их согнали, стали прижимать, деваться некуда)... Тут и меня ранило из миномёта: попали под обстрел, а место каменистое (в камнях как рывкнуло, ну думаю, всё...)—всю ногу содрало, но кость не перешибло. И через, считай, три дня всех оттуда... У нас там аэродром был, было три самолёта-штурмовика—улетели, батареи были, значит, на железной дороге, там ангары были: они выкатывались, постреляют и обратно уходят; вот что ни бомбили их, ничего не сделали. И самолёты то же самое—ангары у них были под скалы. Но дело дошло: ни лодкам подъехать, ничего—оружия нет, снарядов нет, обороняться нечем. У меня была лошадь, был коногон, я на передовую возил пищу на лошади и была у меня, конечно, учебная винтовка, я с собой таскал её всё время. И вот я приехал, пищу раздал, командир взвода у меня винтовку забирает. Я говорю: «Так а я с чем остаюсь?» --« А тебе не требуется». Наши стали оборону держать. А с винтовкой оборону, понимаешь, не надержишь, да... Ну и вот считай в конце 42 года всю нашу армию...

Вице-адмирал Октябрьский (командовал там фронтом) улетел на самолёте; генерал-майор был, он командовал нашими сапёрами, да ещё несколько человек таких-то улетели: у них тут самолёт был. А этот весь комсостав остался. Поляна была большая, сгоняли всех на эту поляну, понимай... От Севастополя не осталось ни одного дома, ни одного. Месяц бомбил непрерывно, непрерывно-о. Ни одного, хоть бы один дом остался... Ни одного! Ни одного. Всё разрушил.

Всех там у Симферополя пленили, всю армию, все были — и офицеры... и все. И вот я, когда согнали всех (тут не одна тыща была, вся приморская армия, кто остался), смотрю—видел далеко так—наши командир батальона, политруки... На машины их посадили, а командиром батальона был еврей Пирус, два политрука были евреи. Ну, они прекрасно знали, что немец расстреливает их, прекрасно знали. И всё ж решили ехать показывать, где минные поля. Ну, их заставили, наверное, разминировать, наверное после рыли себе траншеи, только раз—и в эти траншеи. Вот, а нас погнали всех. Лагерь там был у Симферополя. Я в середине попал с ребятами, мне идти невозможно, я висел только: на двоих повис, на одной ноге. На край нельзя было выдвигаться, потому что собаки... пристрелили бы меня и говорить нечего. Но я в этой толпе, ребята свои.

И вот в 1944 году нас перегнали в Ровно (в Ровно долго были, там наш санитар из военнопленных ногу мне лечил: черви в ноге завелись. Он мне обработал; там меня уж не посылали никуда, раза 4-5 я у него побывал. На молодом-то затягает, у меня стало всё пропадать, пропадать. Он мне обрабатывал хорошо), потом, значит, погрузили и в Германию. Сначала город Плаун. В Плауне делали бомбоубежище в госпитале (большущий госпиталь там был), котлован большой делали... Я упустил вагонетку сверху: понимаешь ты, с землёй поднимали вагонетку, я подложил, но подложил щепочку какую-то—вагонетка оборвалась, полетела с землёй вниз. Разбилась. Я посидел пять суток на гауптвахте, меня перевели в другой город, да... Там был лагерь военнопленных: англичане, через перегородку мы, и американцы. Армия наша там была, власовцы; приходили, вербовали, шли... Что заставляло людей идти туда, я не пойму. Некоторые, я видал, раненые, может, самострелы какие это были... Сильно против наших воевали власовцы. И вот в 1944 году освободили нас. Из наших многоуко уехало в Америку—кто желает... Много желающих оказалось.

Я попал в 214 запасной полк, там все данные, конечно, проверили и меня, значит, определили в зенитный дивизион, в артиллерию. Мы из Германии получили направление в Чехословакию. Километров сто проехали... Была у нас 85-мм пушка прицеплена и полный «Студебекер» снарядов в ящиках. И вот как сейчас не забыть, фамилия, помню, шофёра Туровский... Мостик такой через овражину был, пушка на этот мостик не попала и — под мост... И как только оторвался, понимаешь, фаркоп у машины! Если бы он не оторвался, мы бы полетели вместе с ящиками. Тут, наверное, и лоскутка бы не осталось: столько снарядов могло взорваться. И вот пока часть свою догнали, неделю цельную болтались с этой пушкой, да... Догнали часть. Мы стояли в Чехословакии, город Брно. Не помню, сколько мы там были, потом приказ: оставить Чехословакию, переправляться будем в Венгрию. Перешли в Венгрию — город Дьер. Большой город, я там долго был. И оттуда демобилизовался в 1946 году. В Венгрии ездили на учения, так как почти весь состав был новый, а в Чехословакии, можно сказать, отдыхали.

Что удивило меня на войне? Удивил меня больше всего Севастополь. Отнеслись к нему... Ведь раньше вообще писали, что это неприступная крепость, правда? Что мы строили доты там на микензовых горах — они и не потребовались даже. Их обошли. Без толку. Сколько трудов мы там положили! Бесполезно.

Что на войне самое страшное было? Страшное каждый день. Я возил пищу на передовую. Лес, весь этот кустарник мелкий был пересечён — тых-тых-тых, тых-тых-тых — пули, просто как пчёлы — ших-ших-ших, раз — и готов... Всё ж-таки надо кормить людей. Вот в Крыму было. Овцы гуляли, цельные отары, колхозные ли, совхозные ли. Приказали мне: возьми солдат, подгони сколько-то. Пошёл, отогнал штук сорок, полсотни ли, я не считал конечно. Погнал... Откуда ни возьмись штурмовики немецкие шесть штук, давай нас садить. Мы на кладбище залетели, там много нас было: начальник боепитания — старший лейтенант, потом ещё были... Так его убило на этом кладбище. Я как-то попал в могилки, между могилок лежал. Знаешь, как садили! Тут не то что... о-ой!.. А под воздушный бой я попадал... А когда перевозили из одного города в другой, под эмигрантскую (наверное под союзную) бомбёжку попал. Те, значит, так: летит сотня самолётов порядком, один ведущий впереди; там, где план бомбить город, занимает одну четвёртую часть и вот отпускают ракету — и с этого места начинают и сплошную полосу делают. Не то что б они цель выбирали, завод там какой — нет, полосой. Как пошли первые бросать бомбы, за ними вторые, третьи и такой полосой прочистили. Это американцы так бомбили. В вагонах ни одного человека не осталось, стоят только остовы, горит всё — о-ой. А в Севастополе под налёт попал... Приехал на базу за продуктами, и тут налетели бомбить... Деваться некуда, спрятался под машину, а когда вылез, вижу: оторванные руки, ноги — мясо, человеческое мясо... По ночам ездили без света. Дорога после дождя размытая, машина с бойцами шла, в кювет попала (а мы завязли, стояли на другой стороне дороги), а у бойцов оружие, там шомпола сняты, ночью-то люди покалечились: у кого руки, ноги переломало, насквозь протыкало шомполом-то... Как жив остался, я не представляю...

Седёлкин Асаф Маркелович в первые месяцы срочной службы, Бессарабия, начало 1941 года. На нижнем фото политрук вручает Седёлкину А.М. комсомольский билет.

9.05.2021г.

мне Отане 2026 года (20 лет), выучки Майи
(полит) мне 51 год, выучки Майи 131 год.